

И. А. Вещикова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
irinavtgu@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ПОЗНАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ ОРФОЭПИИ

Каждая культурно-историческая эпоха имеет некоторые особенности передачи и распространения орфоэпического знания. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать отличительные черты периода, именуемого (в зависимости от типа решаемых задач) постсоветским, цифровым, медиacentричным. В поисках ответа на поставленный вопрос в поле нашего зрения был следующий круг проблем: инструменты воздействия на произносительное поведение и взгляды носителей языка и их трансформации и переформатирование в XXI в.; ступени в развитии «словарного дела» применительно к орфоэпии; признаки стабильной лексикографической ситуации во второй половине XX в. (соблюдение принципов лексикографического описания орфоэпического материала; ограниченный состав словарей и их признание языковедами и практиками; отношение культурно-речевого сообщества к кодификации и др.); показатели «нормативной неопределенности» в XXI в. (наличие компилятивных и «безымянных» описаний; нарушение традиций в систематизации сведений о произношении и сужение объема информации в описаниях нормативного характера; сдвиги в культуре познания; конкуренция кодификации и авторитетного примера; новые наставники и др.). В рамках обсуждаемой темы не менее актуальными оказались еще два вопроса: один связан с рациональным использованием возможностей, которые открывает цифровая эпоха для нормализаторов и носителей языка; второй касается ответственности как лексикографов, так и многочисленных консультантов-наставников.

Ключевые слова: орфоэпия, культура познания, цифровая эпоха, литературная произносительная норма, академические орфоэпические словари, профессионально ориентированные орфоэпические словари.

Предварительные замечания

Вынесенная на обсуждение тема относительно орфоэпического образования и воспитания в эпоху цифровизации заставляет вспомнить положения, некоторые из

которых были сформулированы более полувека назад, но сохраняют актуальный интерес для современности:

1) «обучение русскому литературному произношению так же необходимо, как и обучение правописанию и грамматике» [Аванесов 1984: 19];

2) пути его постижения исторически изменчивы [Панов 1968: 14–17];

3) «какие у нее (орфоэпии — *И. В.*) есть средства воздействия, как она добивается выполнения своих требований? Либо путем авторитетного примера, либо путем научной рекомендации» [Панов 1979: 204];

4) «хотим мы этого или нет, состав, объем и, главное, понимание правильности языка будут различными в зависимости от его функциональных предназначений» [Костомаров 2014: 9];

5) научные рекомендации, или кодификация, и авторитетный пример зависят друг от друга, но их роль и место для представителей разных социокультурных групп имеет коренные отличия.

В самом деле рядовые носители языка для поддержания уровня орфоэпического культуры могут ограничиться ориентацией на речевую практику профессионалов слова, тогда как для лиц публичных профессий точкой отсчета должна быть кодификация. Вот что по этому поводу думают теоретики и практики театра, призванные быть проводниками кодификации в практику и, кроме того, на протяжении длительного времени занимавшие полицию лидера мнений и выступавшие в качестве авторитетного примера: «Для того, чтобы воспитать речевое чутье, речевую культуру, необходима прежде всего ориентация на авторитетного арбитра... Авторитетными арбитрами в театре должны стать словари-справочники современного русского языка, что не позволит режиссерам и актерам решать спорные вопросы в произношении субъективно, произвольно... Выбор определенного словаря-справочника... — вопрос принципиально важный. На наш взгляд, наиболее авторитетным руководством для деятелей театра является сегодня “Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы” под редакцией Р. И. Аванесова» [Промптова 1989: 52–53].

Казалось бы, все предельно просто: алгоритм обучения и развития чутья и вкуса на уровне произношения очерчен, остается лишь реализовать его на практике. Между тем, если взглянуть на ортологическую ситуацию текущего момента, проанализировать орфоэпическую действительность и суждения о ней специалистов и неспециалистов, становится ясным, что претворить в жизнь вроде бы очевидные принципы бывает не всегда легко. Что здесь является камнем преткновения?

«Эхо» лексикографического бума

Разговор о лексикографической ситуации было бы неправильным оставить в стороне по крайней мере по двум причинам: начиная с середины XX в. именно на них возложена общественно важная функция — задавать координаты орфоэпической правильности (авторитетный пример — величина вторичная); XX в. и XXI в. — это резко контрастные ступени в развитии «словарного дела» в сфере орфоэпии. Прежде чем показать, на чем держится последнее соображение, напомним, что

в отечественной лексикографии сложились два типа орфоэпических описаний, у каждого из которых есть свои цели и задачи и алгоритм их реализации.

Миссия академических словарей (в настоящее время их два — [Еськова (ред.) 2015; Каленчук и др. 2017] состоит в том, чтобы «представить *литературную норму* во всем многообразии ее проявлений» и одновременно показать «ненормативные факты, оценивая их с нормативной позиции» [Еськова (ред.) 2015: 9]: феномен¹, -а *Научный термин ! не рек.* феномен, но феномен², -а и *допуст.* феномен, -а *О редком, необычном, исключительном (чаще о человеке); среда*², -ы, *вин.* среду, *мн.* среды, сред, средам и средам □ *День недели*; обеспечение, -я и *допуст.* обеспечение [*с^bn^b, cn^b*]; одесский, -ая, -ое [*дэ и де*]. При этом сама природа описываемого феномена подсказала структуру рекомендаций, или «шкалы нормативности»: она «имеет не две части (рекомендуется — запрещено), а три: рекомендуется — допускается — запрещено», «предостерегая от слишком категорических и крутых суждений. Она воплощает этическую сторону орфоэпии. Она — свидетельство языковой терпимости» [Панов 1979: 206].

Что касается профессионально ориентированных словарей, то на их основное назначение указывают названия первых двух источников — «В помощь диктору» (1951) и «Словарь ударений. В помощь диктору» (1954). Именно для них были введены ограничения, известные как установка на единообразие: феномен, -а (во всех знач.); среда, среды, среду; *мн.* среды, сред, средам (день недели); Одесса [*не дэ*]; обеспечение [*не обеспечение*]. Подчеркнем, что результаты проведенного нами исследования телевизионной медиаречи (а именно произносительного облика работающих в разных амплуа) двух синхронных срезов — советского и постсоветского [Вещикова 2022: 99–198] не оставляет никаких сомнений в том, что «каждому из видов экранной деятельности присущи особая методика работы, особые правила, соответствующие его специализации; смешивать их было бы непрофессионально» [Телевизионная журналистика 2005: 212]. В нашем контексте это означает «особые правила» произношения «для ведущих информационных программы (в США бытует термин “анкормэн”, что означает “человек-якорь”, или словосочетание “ньюз презентер” — “представляющий новости”; иногда используют образное выражение “человек, делающий погоду”, но *всегда решительно отделяют данного специалиста от комментатора, репортера* (выделено — *И. В.*) и т. п.)» [Телевизионная журналистика 2005: 212]. Однако десятилетие спустя, в 1960 г., правила для дикторов были экстраполированы на практику работников всех недикторских профессий, о чем свидетельствует новое название словаря — «Словарь ударений для работников радио и телевидения» [Агеенко, Зарва 1960§], которое повторно было изменено в 1993 г. на «Словарь ударений русского языка» [Агеенко, Зарва 2000], теперь уже без указания на целевую аудиторию. Тем самым для неспециалиста граница между словарями, точнее, между разными видами норм оказалась размытой и ослабленной: «Совершенно недопустимо произведенное начиная с 1993-го изменение названия. Принятое новое название “Словарь ударений русского языка” снимает ограничение адресата. Бывший “словарь радио” (как его чаще всего называли) превратился в равноправного “конкурента” академического

орфоэпического словаря. До изменения названия было ясно, каково соотношение между орфоэпическим словарем — основным и наиболее авторитетным источником — и словарем, рекомендующим норму, предназначенную для “озвучивания” средствами массовой коммуникации. Теперь это соотношение нарушено» [Еськова 2004: 275–276].

Далее стоит сказать о том, что на смену довольно стабильной лексикографической ситуации второй половины XX в. пришло время «нормативной неопределенности».

Показательно, что в советский (доцифровой, литературоцентричный) период та часть культурно-речевого сообщества, «отношение которой к литературному языку как инструменту общения в общественной, культурной и политической сфере является профессиональным» [Едличка 1988: 72], осознавали, что академические и профессионально ориентированные словари суть разные, но дополняющие друг друга нормативные источники. Зоны влияния каждого из них в целом были понятны, а образованные носители языка стремились соблюдать писанные и неписанные правила, чтобы соответствовать требованиям ситуации общения и не обмануть ожидания аудитории.

В XXI в. приходится напоминать, что и в процессе обучения орфоэпии, и при оценке текстов разных функционально-речевых стилей и подстилей, разных жанров и форматов сквозь призму нормы не следует игнорировать «разность» словарей.

Следующее наше наблюдение касается неоправданных и немотивированных новшеств, появившихся в последние примерно три десятилетия. Одно из них — наличествующий сегодня список нормализующе-регулирующих орфоэпических описаний, который становится труднообозримым и включает крайне пестрые и неравноценные по своей значимости работы. Авторы и нередко составители (!) многих новых словарей отступают от принципов лексикографического представления орфоэпической информации, предложенных в 1955 г. Р. И. Аванесовым и С. И. Ожеговым. Как известно, по убеждению ученых, орфоэпический словарь ставит целью быть «общедоступным справочником», 1) систематизирующим сведения о звуковом составе и акцентологических вариантах конкретных слов и выражений и о наиболее распространенных ошибках, нарушающих эстетические качества речи, 2) формулирующим правила произношения и описывающим особенности русского словесного ударения, 3) представляющим эти сведения в части Правила либо в Словнике в зависимости от возможности-невозможности их обобщения в виде правил.

Во множестве «новоиспеченных» словарей объем сведений, необходимых для осознанного усвоения разных видов орфоэпических норм, сужается: чаще всего в них остается только Словник, что превращает их в словари «трудностей произношения и ударения». Едва ли не единственным источником, который следует традиции, является академический «Большой орфоэпический словарь русского языка» [Каленчук и др. 20012/2017]. К сожалению, орфоэпические академические словари до сих пор оставляют за кадром описание имен собственных и пока не используют возможности цифровой платформы для включения в Словник новых слов, звуковой состав которых или акцентологический вариант которых могут вызвать затруднения. Кстати, прецеденты, когда известные словари, в первых изданиях отражающие

характеристики только имен нарицательных, со временем «включают в словарь обширное приложение, содержащее наиболее употребительные имена собственные» [Зализняк 2007: 3], существуют. Так, в 4-м издании знаменитого «Грамматического словаря русского языка» «впервые помещено приложение, содержащее информацию о словоизменении более 8 000 имен собственных» [Зализняк 2007: 2].

Придется сказать и о том, что заметная часть имеющихся изданий — это не что иное, как «компилятивные словари»: «Компилятор не создает словарь: он его “составляет” и тем самым освобождает себя от ответственности и перед традицией, и перед наукой» [Шведова 2001: 16]. Из этических соображений мы не будем называть никаких имен, но отметим порождаемую ими бессистемность в подаче сведения. Речь идет о том, что в списке использованных словарей обычно фигурируют и академические, и профессионально ориентированные описания, а при выборе конкретной рекомендации просматривается опора то на один, то на другой тип словаря. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии четкого представления о несовпадении таких величин, как литературная произносительная норма и орфоэпический медиастандарт. Одновременно подобные ситуации напоминают о необходимости бережного отношения к научным принципам, согласно которым «право утверждать нормы литературного языка... а также вносить в них изменения и дополнения делегировано в зарубежных странах, как и у нас, национальным академиям. Именно они и являются “законодателями”» [Демьянков 2008: 50]. В свое время об этом писали ученые, стоявшие у истоков орфоэпии как особой области научного знания: «Ни один автор в качестве отдельного лица не может и не имеет права взять на себя функции “законодателя”, предписывающего нормы произношения. Это дело авторитетных органов... науки и культуры» [Аванесов 1984: 6]). К сожалению, все отмеченные обстоятельства не лучшим образом отражаются на орфоэпической картине текущего момента.

Плюсы и минусы цифровой среды как проводника орфоэпических знаний

В цифровую эпоху и для нормализаторов, и для носителей языка открылись невиданные ранее возможности. Кодификаторы могут без каких-либо ограничений транслировать итоги своего труда, а пользователи почти мгновенно найти ответ на искомый вопрос. И это несомненный плюс.

Но у такой доступности есть и оборотная сторона. К сожалению, не все авторы-составители задумываются над тем, «что такое ответственность лексикографа? Она не одна: автор словаря ответствен, во-первых, перед наукой о языке и тем самым перед лингвистами, обращающимися к словарю как к произведению, необходимо отвечающему требованиям современной науки; во-вторых, перед читателем-нелингвистом, доверяющим словарю и ищущим в нем нужную ему точную и достоверную справку; в-третьих, перед традицией, которую он продолжает и развивает; в-четвертых, наконец, перед самим собой как специалистом и автором труда, выходящего под его именем» [Шведова 2001: 13].

На наших глазах с конца прошлого — начала нынешнего века традиционные и/или классические академические и профессионально ориентированные словари

утрачивают монополию на лексикографическое описание норм произношения. Кроме того, теперь предлагаются новые формы и форматы орфоэпического просвещения массовой аудитории. В Интернете множатся порталы справочных служб и сайты консультантов. Не ставя себе цели обзреть и охватить неохватное, приведем один пример — официальный сайт Т. Гартман, где она представлена как «автор YouTube-канала “Училка vs ТВ” (более 4 170 000 просмотров), эксперт и частый гость на центральных и региональных каналах (Первый, Россия, НТВ, ТНТ 4 и т. д.), ведущая авторской рубрики “Училка против Маяка” на радио “Маяк”, автор двух бестселлеров — книг “Речь как меч” и “Слово не воробей”, преподаватель русского языка и журналистики с тридцатилетним стажем и т. д.» [Гартман 2019]. Видя такую характеристику, есть основания подумать, что это и есть тот источник, которому можно и нужно доверять. Своим главным успехом Гартман «считает тот факт, что некоторые ведущие наконец-то обратили внимание на свою речь и даже взяли за словари и справочники» [Гартман 2019: 7]. Конечно, с важностью такого эффекта никто не станет спорить. Вопрос в другом — в том, каким путем предлагается идти к достижению цели — усвоить произносительные нормы и войти в круг орфоэпически авторитетных лиц. Обратим внимание и на то, что в процессе обучения она делает ставку на «Словарь ударений русского языка» И. Л. Резниченко, объясняя свой выбор тем, что он был назван в приказе Министерства образования и науки РФ «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащие нормы современного русского языка при его использовании в качестве государственного язык РФ» (2009). Другие словари в многочисленных и разноплановых работах автора не упоминаются. Вероятно, такой вариант трансляции знаний массовой аудитории может быть полезен при условии, что он не является единственным и что речь не идет о профессионалах слова, для которых обязательным является изучение рекомендаций узаконенных кодифицирующих источников в единстве с текстами орфоэпически авторитетных лиц.

Роль и место авторитетного примера в орфоэпической ситуации текущего момента

Рядовые носители языка поиск ответа на вопрос о том, «как правильно» произнести то или иное слово, нередко связывают не столько с изучением научных рекомендаций, сколько с обращением к авторитетному примеру. Общеизвестно, что в разные периоды жизни языка представление о правильном и престижном на уровне произношения в большей или меньшей степени связывается с разными группами лингвокультурного сообщества.

На протяжении длительного времени особая роль при рассмотрении вопросов, относящихся к культуре произношения, принадлежала театру. По словам фонетистов, «законодателем в произношении для культурных людей был театр» [Панов 1990: 17]. Не будет преувеличением сказать, что в предшествующую эпоху необходимым условием успешной социальной интеграции было знание литературного произношения. Поэтому и в средней, и в высшей школе (за исключением отделений и факультетов журналистики) настольной книгой был орфоэпический

академический словарь, до 2015 г. выходявший под редакцией Р. И. Аванесова. И только получающие образование для работы в СМИ дополнительно изучали медиастандарт, описанный профессионально ориентированными словарями.

В последние десятилетия влиятельной величиной становятся стереотипы орфоэпического поведения медиасреды. Переход от эпохи литературоцентризма к эпохе медиацентризма заметно повлиял на представления носителей языка об ориентирах в процессе формального обучения и при выборе авторитетного примера.

С одной стороны, приходится признать популярность и востребованность словарей для работников СМИ. К этому дополнительно подталкивает принятая и декларируемая ими установка на единообразие, не требующая от говорящего специальных знаний. Читатель таких описаний получает готовое решение, освобождающее его от поиска самостоятельного решения при наличии вариантов. С другой стороны, при всем критическом отношении к практике медиаперсон именно с них многие «берут пример». Если в эфире тиражируются варианты *обеспечение*, *п[о]эт*, *скучно*, то немалое число носителей литературного языка (и не только младшего поколения) не рискнет их нарушать, даже если они выходят за пределы зоны литературности (справка: *бу[тэ]рброд*! не рек. *бу[те]рброд*; *творОг* и допуст. *твОрог*; *деньгАми* и допуст. устар. *дЕньгами*; на *стЕнах*; *одновременный* и допуст. *одноврЕменный*; *обеспечение* и допуст. *обеспечЕние*; *п[а]эт* и факульт. *п[о]эт*, *ску[шн]о* — ОС-2015). Вероятно, это объясняется социально-психологическими причинами — признанием медиасреды социально престижной группой, роль и место которой как проводника действующей кодификации в практику трудно переоценить.

Изучение культуры познания представляются не бесполезным, поскольку надо понять, как и насколько она влияет на формирование лингвистического мышления и уровня орфоэпической компетенции той или иной группы, того или иного лица. Ранее уже шла речь о том, что при образовании и воспитании профессионалов слова главенствующее положение должна занимать кодификация, обязательна опора на авторитетные источники и осознание специфики своей профессиональной сферы в ее отношении к литературной норме. Поэтому не могут не удивлять рассуждения «учителя с 20-летним стажем работы в школе, автора сотни учебных пособий для школьников и абитуриентов», показывающие, что авторитетный пример (в данном случае) в лице СМИ считается весомее и серьезнее словарных предписаний: «У нас пропал эталон русского языка. Ушли дикторы старой школы. Как раньше было: как сказали по телевизору, так и правильно. А сегодня? Я просидела два часа у телевизора, переключая каналы. Записала 50 речевых ошибок! “Древнее пророчество началО сбываться”» [Шклярова 2016]. Похоже, Шклярова упустила из виду сразу два существенных момента: 1) учителя должны «сознательно усваивать ее (орфоэпии — *И. В.*) требования: на занятиях в вузе, путем изучения специальных работ; постоянно используя словари» (Панов 1979: 204); 2) если не забывали об иерархии способов получения орфоэпического знания, то не ускользнул бы из поля зрения факт узаконения инновации, согласно которой литературная норма конца XX — начала XXI в. не запрещает произношение началО и характеризует его как *допуст. младшее* [Каленчук и др. 2017: 418].

Новые наставники при обучении правильному произношению

Говоря о сдвигах и трансформациях в способах передачи и распространения произносительной культуры, целесообразно остановиться еще на двух случаях.

Один связан с тем, что некоторые современные медиаперсоны не ограничиваются исполнением роли посредника между научными рекомендациями и средним носителем языка. В настоящее время они все чаще примеривают на себя роль экспертов по орфоэпии и выпускают книжки под общим названием «Говорим правильно». Одна из последних вышла в 2023 г. Прочитав авторов, которыми стали известная телеведущая И. Россиус и писатель Ю. Брыкова: «Нужно запомнить: ... мастерскИ — фиксированное ударение» [Брыкова, Россиус 2023: 8]. При просмотре работ подобного рода изумляет то, что вопрос о нормативных источниках уходит на второй план, а личные представления о правильном выдвигаются на первый, и что в качестве иллюстративного материала консультанты склонны выбирать не только и не столько актуальные случаи, сколько слова, даже не обладающие высокой статистической ценностью. При этом их высказывания о том, как правильно, упрощают реальное положение дел и таким образом дезориентируют аудиторию. То, что было единственно правильным на одном этапе развития, за его пределами может вступить в конфликт с узусом и кодификацией последующего (справка: *мастерски* и *мастерскИ* — БОС-2017). Очевидно, что не каждый профессионал медиаиндустрии может занять место обучающего, точно так же только в исключительных случаях преподаватели могут совмещать свою педагогическую деятельность с журналистской.

Второй пример (число которых может быть увеличено) не менее показателен в плане содержательных особенностей консультаций и рекомендаций гуру (гурУ или гУру?). Вопрос: «В Кёрчи или в Керчй?» Ответ дает «эксперт по русскому языку, автор популярных программ на радио и ТВ, автор бестселлеров о русском языке, журналист, медиаэксперт» М. Королева: «Да, когда мы склоняем топоним (географическое наименование) КЕРЧЬ, ударение никогда и никуда не уходит с корня. КЕРчь, КЕРчи, КЕРчью, о КЕРчи, в КЕРчи, из КЕРчи... Возражений обычно два. 1. Но я же слышу, как говорят “в КерчИ”! 2. А местные, керченские, говорят “в КерчИ”! У меня на это тоже есть возражение: а по словарям — в КЕРчи» [Королева 2021]. По-видимому, автор опирается на предписания профессионально ориентированных словарей, размещенных на портале «Грамота.ру». Однако не следует забывать о «Грамматическом словаре русского языка», в котором относящаяся к этому топониму статья выглядит так: Керчь ж., 8f//8a, П₂(в). «Запись П₂(в) означает, что П₂ ед. реально употребляется только после предлога **в** в определенном значении и что эта форма «по буквенному составу равна форме Д. ед. того же слова, но ударение в ней всегда на окончании» [Зализняк 2007: 70]. Если миссия консультирующих в СМИ и через СМИ — быть элементом системы просвещения, то они не должны допускать редуцирования научных данных. Подобные моменты возвращают нас к рассуждениям Н. Ю. Шведовой об ответственности, но теперь уже не только лексикографа, но медиаконсультанта, мнение которого многими воспринимается как особенно весомое и значимое. Поэтому в заключение наших размышлений

о культуре познания в цифровую эпоху, которая позволила расширить возможный инструментарий, процитируем крайне ценные в контексте обсуждаемой проблематики обобщения П. Бурдые о роли лиц, имеющих «медиатическую славу»: «В некоторых дисциплинах медиатическая слава все больше принимается в расчет, даже комиссиями Национального центра научных исследований. Когда создатель той или иной программы на радио или телевидении приглашает на нее исследователя, он оказывает ему честь, которая до недавнего времени расценивалась как нечто компрометирующее. Всего лишь каких-нибудь тридцать лет назад бесспорные способности Реймона Арона к университетской деятельности оказались поставлены под сомнение, потому что в качестве журналиста “Фигаро” “он имел отношение к СМИ”. Сегодня расклад сил между полями изменился настолько, что внешние критерии оценки — появление в передаче Бернара Пиво, положительная оценка в иллюстрированных журналах, портреты на обложках составляют конкуренцию суждению коллег по полю» [Бурдые 2002: 79–80].

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Учебное пособие для студентов педагогических институтов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. 384 с.

Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения: Ок. 50 000 слов / Под ред. Былинского К. И. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. 645 с.

Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений русского языка / под ред. М. А. Штудинера. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Рольф, 2000. 816 с.

Брыкова Ю., Россиус И. Говорим правильно. Ростов н/Д: Феникс, 2023. 64 с.

Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.

Вещикова И. А. Телевизионная речь в аспекте орфоэпии. М.: ФЛИНТА, 2022 (1-е изд. — 2019). 216 с.

Гартман Т. Официальный сайт [Электронный ресурс] // <https://uchilkaonline.ru/> (дата обращения: 15.06.2024).

Гартман Т. Речь как меч. Москва: Эксмо, 2019. 208 с.

Демьянков В. З. О стратегиях нормирования русского языка и о формировании единого социокультурного пространства России // Мир русского слова, № 4, 2008. С. 7–13.

Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 38–134.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под редакцией Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2014/2015. 1008 с. (1-е изд. — 1983; под редакцией Р. И. Аванесова).

Еськова Н. А. Рецензия на словари: М. В. Зарва «Русское словесное ударение» и Ф. Л. Агеенко «Собственные имена в русском языке. Словарь ударений» // Русский язык в научном освещении, 2004, № 1 (7). С. 272–278.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 1024 с. (1-е изд. — 2012).

Королева М. В Керчи или в КЕРчи? [Электронный ресурс] // <https://godliteratury.ru/articles/2021/06/09/v-kerchi-ili-v-v-kerchi?ysclid=lxhklpktir580389451> (дата обращения: 15.06.29024).

Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.

Панов М. В. Глава первая // Фонетика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование. М.: Наука, 1968. С. 9–21.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Ин-т рус. языка АН СССР; отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1990. 456 с.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.

Промптова И. Ю. Речевая культура театра. М.: Сов. Россия, 1989. 144 с.

Телевизионная журналистика: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. / редколл. Г. В. Кузнецов, В. Л. Цвик, А. Я. Юровский. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. 368 с.

Шведова Н. Ю. Автор или составитель? (Об ответственности лексикографа) // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 13–16.

Шклярова Т. Какие речевые ошибки недопустимы для официального языка ТВ // Российская газета — Неделя, 2016, № 7022 (154).

I. A. Veshchikova

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

irinavmgu@gmail.com

FEATURES OF THE CULTURE OF COGNITION IN THE DIGITAL AGE: TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE FIELD OF ORTHOEPY

Each cultural and historical epoch has some peculiarities of the transmission and dissemination of orthoepic knowledge. This article attempts to analyze the distinctive features of the period called (depending on the type of tasks being solved) post-Soviet, digital, media-centric. In search of an answer to this question, the following range of problems came into our field of view: tools for influencing the pronunciation behavior

and views of native speakers and their transformation and reformatting in the 21st century; steps in the development of “lexicography” in relation to orthoepy; signs of a stable lexicographic situation in the second half of the 20th century. (compliance with the principles of lexicographic description of orthoepic material; limited vocabulary and their recognition by linguists and practitioners; the attitude of the cultural and speech community to codification, etc.); indicators of “normative uncertainty” in the XXI century. (the presence of compiled and “nameless” descriptions; violation of traditions in the systematization of pronunciation information and narrowing of the amount of information in descriptions of a normative nature; shifts in the culture of cognition; competition of codification and authoritative example; new mentors, etc.). Within the framework of the topic under discussion, two more issues turned out to be no less relevant: one is related to the rational use of the opportunities that the digital age opens up for normalizers and native speakers; the second concerns the responsibility of both lexicographers and numerous mentor consultants.

Keywords: orthoepy, culture of cognition, digital age, literary pronunciation norm, academic orthoepic dictionaries, professionally oriented orthoepic dictionaries.

References

Ageenko F. L., Zarva M. V. *Slovar' udarenii dlya rabotnikov radio i televideniya* [The dictionary of stress for radio and TV employees]. Bylinskii K. I. (ed.), Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei Publ., 1960. 645 p.

Ageenko F. L., Zarva M. V. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [The dictionary of stress of the Russian language]. M. A. Shtudiner (ed.), 5th edition. Moscow, Rol'f Publ., 2000. 816 p.

Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. Uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov* [Russian literary pronunciation. The textbook for students of pedagogical institutes]. 6th edition. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 384 p.

Brykova Yu., Rossius I. *Govorim pravil'no* [We speak correctly]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2023. 64 p.

Burd'e P. *O televidenii i zhurnalistike* [On TV and journalism]. Moscow, Fond nauchnykh issledovaniy “Pragmatika kul'tury”, Institut Eksperimental'noi Sotsiologii Publ., 2002. 160 p.

Dem'yankov V. Z. [On strategies for the normalization of the Russian language and the formation of a unified socio-cultural space in Russia]. *Mir russkogo slova*, no. 4, 2008, pp. 7–13. (In Russ.)

Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [The Russian orthoepic dictionary: pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova (eds.), 10th edition. Moscow, AST Publ., 2014/2015. 1008 p.

Es'kova N. A. [Review of the dictionaries: M. Zarva “Russian word stress” and F. Ageenko “Russian proper names. The dictionary of stress”. The Russian word stress]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, Moscow, no. 1 (7), 2004, pp. 272–278. (In Russ.)

Gartman T. Ofitsial'nyi sait [Official website]. Available at: <https://uchilkaonline.ru/> 15.06.2024).

Gartman T. *Rech' kak mech* [Speech is like a sword]. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 208 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F., Kasatkin L. L. *Bol'shoi orfoepicheski slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The Large orthoepic dictionary of Russian language. Literary pronunciation and stress in the beginning of XXI century: the norm and its variants]. 2nd edition. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2017. 1024 p.

Koroleva M. V. *Kerchi ili v Kerchi?* [The stress in the second prepositional case of the word Kerch]. Available at: <https://godliterary.ru/articles/2021/06/09/v-kerchi-ili-v-v-kerchi?ysclid=lxhklpktir580389451>, 15.06.2024.

Kostomarov V. G. *Yazyk tekushchego momenta: ponyatie pravil'nosti* [The language of the current moment: the concept of correctness]. Saint-Petersburg, Zlatoust Publ., 2014. 220 p.

Kuznetsov G. V., Tsvik V. L., Yurovskii A. Ya. (eds.) *Televizionnaya zhurnalistika: uchebnyk* [Television journalism]. 5th edition, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., Nauka Publ., 2005. 368 p.

Panov M. V. [The first Chapter]. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie* [Phonetics of the modern Russian literary language. Sociological and linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 9–21. (In Russ.)

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]. D. N. Shmelev (ed.), Moscow, Nauka Publ., 1990. 456 p.

Panov M. V. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979. 256 p.

Promptova I. Yu. *Rechevaya kul'tura teatra* [The speech culture of the theater]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1989. 144 p.

Shklyarova T. [What speech errors are unacceptable for the official TV language]. *Rossiyskaya gazeta — Nedelya*, 2016, no. 7022 (154). (In Russ.)

Shvedova N. Yu. [The author or the compiler? (On the responsibility of the lexicographer)]. *Slovar' i kul'tura russkoj rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. On the 100th anniversary of the birth of S. I. Ozhegova]. Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 13–16. (In Russ.)

Veshchikova I. A. *Televizionnaya rech' v aspekte orfoepii* [The TV discourse in terms of orthoepy]. Moscow, FLINTA Publ., 2022. 216 p.